

М. В. Новиков

Гражданская война: образованность, воспитанность и жестокость

(Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15–03–00655)

В статье рассматривается проблема жестокости в ходе гражданских войн на примере двух гражданских войн – российской (1918–1920 гг.) и испанской (1936–1939 гг.). Проблема жестокости рассматривается в контексте образованности и воспитанности ее участников – представителей высококультурных дворянских семей, генералов и офицеров, на примере российского генерала Антона Ивановича Деникина, российского адмирала Александра Васильевича Колчака и двух испанских генералов – Гонсало Кейпо де Льяно и Эмилио Моля, а также их подчиненных. Приводятся данные о терроре в отношении гражданского населения и военнопленных. Рассматривается проблема «холокоста» в ходе обеих гражданских войн. Отмечается стремление образованных и воспитанных участников гражданских войн любой ценой откеститься от личного участия в организации террора и переложить ответственность на подчиненных и политических противников.

Ключевые слова: гражданская война, «испанский холокост», «российский холокост», генералитет, офицеры, образованность, воспитанность, жестокость.

M. V. Novikov

The Civil War: Education, Educatedness and Cruelty

In this article the cruelty problem is considered during civil wars on the example of two civil wars – Russian (1918–1920) and Spanish (1936–1939). The problem of cruelty is considered in the context of education and educatedness of its participants – representatives of highly cultured noble families, generals and officers, on the example of the Russian General Anton Ivanovich Denikin, the Russian Admiral Alexander Vasilevich Kolchak and two Spanish generals – Gonzalo Queypo de Liano and Emilio Mol, and also their subordinates. Data on terror concerning the civilian population and prisoners of the war are provided. The problem of «Holocaust» is considered during these both civil wars. The desire of educated and well-mannered participants of the civil wars to refuse from personal participation in organization of terror at all costs and to shift responsibility to the subordinates and to the political opponents is noted.

Keywords: the Civil war, «the Spanish Holocaust», «the Russian Holocaust», generals, officers, education, educatedness, cruelty.

Гражданские войны, в которых граждане одной страны сражаются друг с другом, всегда отличались неимоверной жестокостью противников по отношению друг к другу. Если жестокость рядовых участников – простых, малообразованных и зачастую дурно воспитанных людей – может найти какое-то разумное объяснение, то кровавость руководителей, как правило, людей высокообразованных, воспитанных и интеллигентных, труднообъяснима. Где та граница, которая отделяет добропорядочного гражданина, хорошего семьянина и доблестного офицера от человека, отдающего приказы об уничтожении гражданских лиц и военнопленных? Неизбежная рефлексия от содеянного всегда заставляла этих людей любой ценой откестиваться от личного участия в организации репрессий, для чего использовались два основных способа: обвинение в неимоверных жестокостях представителей противоборствующей стороны и собственная якобы неинформированность о жестокостях подчиненных, которые якобы проводили репрессии по своей инициативе.

В XX в. Европа пережила две большие гражданские войны – в России (1918–1920 гг.) и в Испании (1936–1939 гг.). Эти две гражданские войны можно отнести к разряду классических и имеющих много общего. И Россия, и Испания того времени относились к числу стран, где только начали формироваться демократические принципы и в самом зачаточном состоянии находились демократические институты. Российскую и испанскую гражданские войны объединяют и существенные характеристики. В каждой из них была главная линия противостояния, в России – большевизм/антибольшевизм, в Испании – демократия/авторитаризм. Однако наряду с этой главной линией противостояния в каждой из этих гражданских войн присутствовали второстепенные, выражавшие интересы отдельных социальных и национальных групп, политических объединений, территорий. Так, в России антибольшевистская коалиция состояла из социалистов, буржуазных либералов, монархистов и др., но и лагерь их противников также не был однородным, в частности, интересы крестьянства существенно отличались

от большевистских, что в итоге вылилось в самостоятельное антибольшевистское крестьянское вооруженное движение. В ходе гражданской войны в Испании оба противоборствующих лагеря были коалиционными. Под знаменами генерала Франко воевали монархисты, консервативные республиканцы, армия, испанские фашисты, остальное в политическом отношении крестьянство. Демократическая коалиция была не менее пестрой: в нее входили мощное движение анархо-синдикалистов, левые коммунисты, про-сталинская коммунистическая партия Испании, социалистическая партия и несколько левобуржуазных партий и группировок. Все эти социальные группы и политические объединения в обеих странах в ходе войны преследовали свои цели и сражались прежде всего за них.

Воюющие стороны и в России, и в Испании продемонстрировали невероятную жестокость по отношению к своим противникам, причины которой один из специалистов усматривает в следующем: гражданская война, оставаясь войной по существу, то есть коллективным насилием, и грозя смертью и уничтожением врагам, кроме того, остается деянием в высшей степени нервным, ненадежным, всегда полным риска, торопливым, она часто создается из ничтожных ресурсов, живет движением вперед, пылом, большим устрашающим нажимом, часто доходящим до террора [4, с. 60].

Историки разных стран до сих пор ведут подсчеты расстрелянных и повешенных в ходе гражданских войн в России и Испании, пытаясь таким образом определить, какая воюющая сторона была более, какая – менее жестокой в ходе обеих гражданских войн. В советской историографии репрессии Красной Армии и чекистов либо замалчивались, либо оправдывались, зато аналогичные мероприятия сторонников Белого движения преподносились как беспримерное зверство. В современной российской литературе маятник качнулся в другую сторону, и теперь уже пишут больше о «красном терроре» и замалчивают, оправдывают аналогичные действия белогвардейцев. В литературе о гражданской войне в Испании авторы, симпатизирующие сторонникам испанской демократии, обвиняют в жестокостях франкистов, а авторы профранкистской ориентации, наоборот, винят во всех смертных грехах республиканцев.

В обеих войнах руководство одной из противоборствующих сторон было представлено генералитетом и офицерским корпусом, выходцами, как правило, из дворянского сословия, получившими хорошее образование и воспитание. Тем не менее

руководимые ими воинские подразделения и в России, и в Испании по жестокости превзошли своих противников. В этой статье мы рассмотрим в заявленном контексте деятельность двух испанских генералов – Г. Кейпо де Льяно и Э. Молье, русского адмирала А. В. Колчака и русского генерала А. И. Деникина.

В 2012 г. П. Престон, известный британский специалист по истории гражданской войны в Испании, подарил мне свою новую книгу «Испанский холокост» [3], рецензия на нее опубликована в журнале «Российская история» [2]. Книга посвящена террору в ходе войны, жертвами которого, по подсчетам Престона, стали около 200 тысяч человек, причем 50 тысяч были репрессированы сторонниками Испанской республики, а 150 тысяч – сторонниками генерала Франко. Тема, затронутая Престоном, относится к числу наименее изученных в историографии испанской гражданской войны. Европейские и американские авторы избегали ее, отказываясь верить, что образованные, интеллигентные офицеры франкистской армии, происходившие, как правило, из благородных семейств, руководили репрессиями гражданских лиц и военнопленных без суда и следствия. «Нежелание верить, – подчеркивает Престон, – что офицеры и джентльмены могли быть вовлечены в преднамеренные массовые убийства гражданского населения, как раз и приводило к тому, что насилие в тылу изучалось менее всего» [3, р. XII].

Работа Престона, объемом ровно в 700 страниц, разделена на 6 глав, в которых последовательно, с объективных позиций рассматриваются вопросы происхождения ненависти и насилия, организованного террора во франкистской зоне, спонтанного насилия в республиканской зоне в начале войны, вопросы защиты Испанской республики от внутреннего врага и тактики Франко на планомерное физическое уничтожение своих противников, вопросы послевоенного террора Франко против убежденных республиканцев. Автор отмечает принципиальные различия в характере насилия в республиканской и франкистской зонах. «В случае с военными мятежниками, – пишет Престон, – проблема террора и уничтожения была центральной во всех их планах и приготовлениях. Осознавая подавляющий численный перевес городского и сельского рабочего класса, они были убеждены, что немедленное введение царства террора будет иметь решающее значение» [3, р. XIV]. Насилие в республиканской зоне, по мнению автора, было связано с нищетой, голодом и эксплуатацией, что вылилось в неорганизованный террор, причем не только против воюющих мя-

тежников, но и против банкиров, промышленников, землевладельцев и просто богатых людей, а также против священнослужителей, олицетворявшихся с богатством и роскошью, этот неорганизованный террор в основном завершился к декабрю 1936 г. [3, р. XIV].

«В мятежной зоне, – пишет Престон, – рабочий класс и либеральная буржуазия уничтожались даже в случае своего пассивного поведения. Напротив, несмотря на кризис государственных институтов, вызванный мятежом и, как следствие, внесудебными злоупотреблениями, республиканское руководство старалось обуздать жестокость экстремистов и восстановить работу государственных структур. Вооруженная милиция большинства левых партий и профсоюзов была настроена истреблять представителей духовенства, армии, высших слоев общества и консервативной буржуазии. Другими словами, они ставили своей целью создание революционного порядка и уничтожение военно-фашистского государства. Тем не менее руководство республики и большинство членов коммунистической и социалистической партий выступали против этого, так как понимали, что республика нуждается в поддержке западной демократии и что необходим закон и порядок. Соответственно, они старались восстановить структуры для полноценного функционирования политической демократии» [3, р. 226].

Более половины своей работы автор посвятил описанию насилия и террора в зоне мятежников. Вторая глава «Узаконенное насилие в мятежной зоне» разделена на 2 части. В первой – «Террор Кейпо: зачистка юга» – речь идет о насильственных действиях мятежников в южных провинциях Испании под руководством одного из лидеров военных заговорщиков – генерала Кейпо де Льяно. Автор в деталях показывает процесс физического унижения и уничтожения мятежниками всех подозрительных лиц, включая детей, стариков и беременных женщин.

После захвата г. Севильи, – пишет Престон, – Кейпо де Льяно 23 июля 1936 г. издал приказ, согласно которому руководители и участники забастовок подлежали расстрелу без суда и следствия. На следующий день он издал еще один приказ о том, что в случае «выявления фактов насилия в городах и деревнях лидеры марксистских и коммунистических организаций, проживающие там, будут расстреляны. В случае их отсутствия пропорциональное количество членов их организаций, выбранных по жребию, будут расстреляны без предъявления обвинения» [3, р. 142].

Жестокость генерала и полное отрицание им даже видимости соблюдения законности характе-

ризует приведенный автором эпизод, когда группа мятежников, захвативших г. Кордову, направилась в г. Севилью к Кейпо де Льяно с просьбой пополнить запасы оружия и боеприпасов. Генерал спросил их, сколько человек они расстреляли в Кордове, и, услышав ответ – «никого», заявил: «Пока вы не расстреляете пару сотен, никакого оружия для вас больше не будет» [3, р. 166].

По приказу генерала в г. Гранаде было расстреляно более 5 тыс. гражданских лиц, в основном прямо на кладбище. «Служитель кладбища, – пишет Престон, – сошел с ума и 4 августа был помещен в психиатрическую больницу. Три недели спустя его преемник с семьей были вынуждены покинуть дом у кладбищенских ворот, так как выстрелы, крики и стоны умирающих стали для них невыносимыми» [3, р. 173].

Наиболее известным из расстрелянных в Гранаде, – отмечает Престон, – причем не только в Испании, но и в мире, был поэт Федерико Гарсиа Лорка. Годы спустя франкисты стали утверждать, что Лорка стал жертвой не своих политических убеждений, а личной вражды, связанной с его гомосексуальными наклонностями. Престон опровергает эту версию и приводит факты в подтверждение именно политических причин уничтожения поэта. В 1934 г. Лорка провозгласил: «Я всегда буду на стороне тех, кто ничего не имеет» [3, р. 173]. Он регулярно подписывал антифашистские манифесты, был связан с левыми организациями, такими как Международная красная помощь [3, р. 174].

Поскольку он был широко известен и необычайно популярен как поэт и писатель, его политические убеждения и нетрадиционные сексуальные наклонности, по мнению Престона, провоцировали ненависть членов фашистской фаланги и всех правых в целом. Вызывая раздражения землевладельцев, он платил своим наемным рабочим хорошую заработную плату, давал деньги в долг и даже строил для них дома. Его дружба с министром испанского правительства от социалистической партии Фернандо де лос Риосом была еще одной из причин ненависти правых к нему [3, р. 174].

Престон приводит факты, свидетельствующие о личной причастности генерала Кейпо де Льяно к смерти поэта. Когда правые начали охоту на «красных», Лорка укрылся в доме своего друга – члена фашистской фаланги. 16 августа в дом пришли вооруженные мятежники, они объявили Лорку шпионом Москвы и запросили генерала Кейпо де Льяно о дальнейших действиях. Ответ генерала был краток: «Дайте ему кофе», что на слэнге мятежников означало расстрел – Федерико

Гарсиа Лорка был убит ранним утром 18 августа 1936 г. [3, p. 174].

Во второй части второй главы – «Террор Молы: зачистка Наварры, Галисии, Кастилии и Леона» – автором рассматривается террористическая деятельность мятежников в отношении гражданского населения северных и центральных провинций Испании под руководством одного из главных организаторов вооруженного мятежа генерала Эмилио Мола.

Накануне мятежа Мола выслал специальные инструкции одному из участников заговора, находившемуся на территории Испанского Марокко, – полковнику Ягуэ. Он настаивал на трех главных принципах: жестокость, быстрота и высокая мобильность. Мола подчеркивал, что «нерешительность ведет только к поражению» [3, p. 132]. Шесть дней спустя Ягуэ получил более детальный набор инструкций по организации репрессий, который включал следующее: использование марокканских войск, наводивших ужас своими зверствами; возложение контроля за соблюдением общественного порядка и безопасности в городах на фашистскую фалангу; арест всех подозрительных представителей республиканской власти; уничтожение членов всех левых организаций (коммунистов, анархистов, членов профсоюзов, масонов и т. д.); закрытие всех мест, где проводятся общественные мероприятия; запрет всех демонстраций, забастовок, общественных и частных митингов и собраний. Эти инструкции, подчеркивает Престон, стали программой действий в организации репрессий в Испанском Марокко ночью 17 июля 1936 г., а в дальнейшем и на территории всей Испании.

Еще нагляднее характеризует Мола приведенное автором выступление генерала перед мэрами городов Наварры – сторонниками мятежников, в котором он подчеркивал: «Необходимо шире использовать террор. Мы должны создать видимость нашего превосходства, уничтожая без всяких угрызений совести и без колебаний всех, кто думает иначе, чем мы. Нельзя проявлять малодушие, если мы упустим момент и не будем действовать с величайшей решительностью, мы не победим. Любой, кто прячет коммуниста или сторонника Народного фронта, должен быть расстрелян» [3, с. 179].

Вряд ли испанские генералы были хорошо знакомы с историей гражданской войны в России, но их деятельность по организации террора в отношении своих политических противников в тылу удивительным образом похожа на то, что творили белогвардейцы, воевавшие под руководством А. В. Колчака и А. И. Деникина.

Александр Васильевич Колчак, адмирал, популярный исследователь, военно-морской специалист высокого класса, под давлением обстоятельств в ноябре 1918 г. в возрасте 44 лет стал во главе всех антибольшевистских сил на территории Сибири, объявив себя «верховным правителем России». Колчак декларировал себя сторонником демократии, однако 3 декабря 1918 г., через 2 недели после прихода к власти подписал постановление о широком применении смертной казни. Расстрел или повешение полагались за «посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность верховного правителя... за посягательство на низвержение или изменение ныне существующего государственного строя» [1, с. 45]. Специальное распоряжение Колчака разрешало военным самим выносить приговоры о смертной казни, что активизировало карателей, умножило внесудебные расправы и самосуды.

Очевидцы подтверждают, что Колчак неоднократно говорил о том, что «гражданская война должна быть беспощадной» [1, с. 44]. Тем самым, Колчак запустил механизм террора, развязав руки своим подчиненным. Его ближайшего помощника, министра внутренних дел В. Н. Пепеляева, отличала «слепая ненависть к большевикам». Для проведения террора он создал в каждой губернии отряды особого назначения численностью до 1200 человек. Командующие армиями, командиры отдельных отрядов, губернаторы, действовали самостоятельно, создавая свои собственные структуры для проведения террора в отношении и политических противников и гражданского населения.

Так, генерал С. Н. Розанов, «осуществляя свои карательные задачи, действовал террором, обнаружив чрезвычайную личную жестокость... расстрелы и казни были беспощадны. Вдоль сибирской магистрали в тех местах, где мятежники своими нападениями прерывали полотно железной дороги, он для вразумления развешивал по телеграфным столбам трупы казненных зачинщиков. Проходящие экспрессы наблюдали эту картину, к которой все относились с философским безразличием. Целые деревни сжигались до основания» [1, с. 46].

Американский генерал Грэвс, очевидец событий, так вспоминал о преступной террористической деятельности атамана колчаковской армии Г. М. Семенова: «Солдаты Семенова и Калмыкова, находясь под защитой японских войск, наводняли страну подобно диким животным, убивали и грабили народ, тогда как японцы при желании могли бы в любой момент прекратить эти убийства. Если в то время спрашивали, к чему были все эти жестокие убийства, то обычно получали в

ответ, что убитые были большевиками, и такое объяснение, очевидно, всех удовлетворяло. События в Восточной Сибири обычно представлялись в самых мрачных красках и жизнь человеческая там не стоила ни гроша. В Восточной Сибири совершались ужасные убийства, но совершались они не большевиками, как это обычно думали. Я не ошибусь, если скажу, что в Восточной Сибири на каждого человека, убитого большевиками, приходилось сто человек, убитых антибольшевистскими элементами». Грэвс сомневался в том, чтобы можно было указать за последнее пятидесятилетие какую-либо страну в мире, где убийство могло бы совершаться с такой легкостью и с наименьшей боязнью ответственности, как в Сибири во время правления адмирала Колчака. Заклячая свои воспоминания, Грэвс отмечал: интервенты и белогвардейцы были обречены на поражение, так как «количество большевиков в Сибири во время Колчака увеличилось во много раз в сравнении с количеством их к моменту нашего прихода» [1, с. 46].

Атаману Семенову не удалось избежать спрavedливого возмездия. 26 августа 1945 г. он был арестован сотрудниками Смерша на территории Китая и предан суду. Семенов признавал, что в годы гражданской войны вел беспощадную борьбу против большевиков и всех, кто им сочувствовал. «Я посылал в районы Забайкалья карательные отряды для расправы с населением, поддерживавшим большевиков, и уничтожал партизан», – говорил он. Семенов сообщил о многочисленных случаях расстрелов тех, кто был за Советы. На допросе 13 августа 1945 г. сподвижник Семенова, бывший генерал-майор Л. Ф. Власьевский, говорил: «Белоказачьи формирования атамана Семенова приносили много несчастий населению. Они расстреливали заподозренных в чем-либо лиц, жгли деревни, грабили жителей, которые были замечены в каких-либо действиях или даже нелояльном отношении к войскам Семенова. Особенно отличались в этом дивизии барона Унгерна и генерала Тирбаха, имевшие свои контрразведывательные службы. Но наибольшие зверства все же чинили карательные отряды войсковых старшин Казанова и Фильшина, сотника Чистохина и другие, которые подчинялись штабу Семенова». Выяснилось, что Семенов лично визировал смертные приговоры и контролировал пытки в застенках, где были замучены до 6,5 тысяч человек. О расстрелах и пытках крестьян, пленных красноармейцев, большевиков и евреев рассказывали и бывшие партизаны, и сами семеновцы [1, с. 47–48].

В постсоветский период в историографии, публицистике и кино обозначилась отчетливая тенденция реабилитации деятельности Колчака на посту верховного правителя России, попытка представить ее как альтернативу большевизму, а самого Колчака – как бессребренника, не имевшего никаких личных богатств. В 2002 г. в здании Морского корпуса в Санкт-Петербурге была открыта мемориальная доска, посвященная А. В. Колчаку, выпускнику этого учебного заведения, тем не менее Военная коллегия Верховного суда РФ в ноябре 2001 г. отказала в реабилитации адмирала, так как он «не остановил террор в отношении гражданского населения, проводимого его контрразведкой» [1, с. 43].

Аналогичная тенденция отмечается и в отношении другого крупного руководителя белого движения на юге России генерала Антона Ивановича Деникина, выходца из дворянской офицерской семьи, выпускника Академии Генерального штаба, активного участника первой мировой войны. Подобно Колчаку, пытавшемуся на допросах отмежеваться от террора, проводимого его подчиненными, генерал Деникин то же самое делает в известных мемуарах «Очерки русской смуты». Можно понять желание умного, образованного, интеллигентного человека представить себя неосведомленным о жестоком терроре, творимом его подчиненными, однако факты говорят об обратном. Именно Деникин возглавил террористическую деятельность в отношении гражданского населения и военнопленных, подписав 30 июля 1919 г. постановление о деятельности судебно-следственных комиссий, на основании которого советские работники приговаривались к смертной казни и конфискации имущества, а сочувствующие большевикам – к каторжным работам [1, с. 49].

Подчиненные Деникина, губернаторы и генералы, выходцы, как правило, из интеллигентных дворянских семей, отличались неимоверной жестокостью по отношению к своим политическим противникам. Так, губернатор Екатеринославля Щетинин приказал расстрелять из пулеметов арестованных крестьян, генерал Кутепов отдал приказ повесить на фонарных столбах центральной улицы Ростова всех заключенных, находившихся в тюрьмах города в декабре 1919 г. [1, с. 49].

Генерал Денисов писал: «...Трудно было власти... Миловать не приходилось... Каждое распоряжение – если не наказание, то предупреждение о нем... Лиц, уличенных в сотрудничестве с большевиками, надо было без всякого милосердия истреблять. Временно надо было исповедовать правило: “Лучше наказать десять невиновных, неже-

ли оправдать одного виноватого”. Только твердость и жестокость могли дать необходимые и скорые результаты» [1, с. 49].

Ярким свидетельством «белого» террора является дневник участника деникинского движения А. А. фон Лампе. 20 июля 1919 г. он записал, что белые из Добровольческой армии насильствовали крестьянских девушек, грабили крестьян. 13 ноября 1919 г.: «...ликвидировано несколько большевистских гнезд, найдены запасы оружия, пойманы и ликвидированы 150 коммунистов по приговору военно-полевого суда». 15 декабря Лампе сообщал о приказе командующего киевской группой белых войск, который публично отказался благодарить «терцов, находившихся в сентябре в районе Белой Церкви – Фастов, покрывших себя несмываемым позором своими погромами, грабежами, насилиями и показавшими себя подлыми трусами... 2) Волганскому отряду... опозорившему себя нарушением торжественно данного мне слова прекратить систематические грабежи и насилия над мирными жителями... 3) Осетинскому полку, обратившемуся в банду одиночных разбойников...» [1, с. 50].

Офицерская и дворянская честь Деникина и его подчиненных запятнана не только кровью политических противников, но и организацией «российского холокоста» – уничтожения евреев только потому, что они евреи. Одной из главных причин антисемитских настроений офицеров и генералов белой гвардии большинство историков считают наличие в большевистском руководстве представителей еврейской национальности. Они подсчитали, что на территории, контролируемой Деникиным, было организовано 226 еврейских погромов.

Французский адвокат Бернал Лекаш, защищавший убийцу С. Петлюры и опубликовавший книгу по итогам поездки на Украину в 1926 г., пишет о 1295 еврейских погромах и об убийствах более 300 тысяч человек. Не объясняя причин произошедших событий, Лекаш приводит показания свидетелей, документы, фотографии: «В Умани бандиты, сменявшие друг друга в марте, апреле и мае 1919 г., грабили, насильствовали, убивали». «Погром 13 и 15 мая принимает невиданный размах, – писал он со слов очевидцев. – Расстреливают беспрерывно, в домах и на улицах. У Фуреров одиннадцать человек семьи: сперва убивают стариков; женщин бросили на землю и камнями раздробили головы, у детей и мужчин отрубили половые органы. Из одиннадцати человек – девять убитых. На другой день ловят и отводят в комендатуру 28 евреев и евреек. Там их избивают и отводят на площадь, покрытую уже трупами и залитую кровью. В свою очередь, их расстреливают не

без того, чтобы отказать себе при этом в удовольствии “сыграть в мяч” их головами. После, при розыске и разборке трупов, их можно опознать только по одежде» [1, с. 51].

И «испанский холокост», и «российский холокост» имеют общее происхождение – ненависть к большевизму, олицетворение большевизма с семитизмом вследствие наличия в советском руководстве значительного числа лиц еврейской национальности. Организаторами «холокоста» в обеих странах выступали представители генералитета и офицерского корпуса, выходцы, как правило, из дворянских семей, получившие хорошее образование и воспитание. Как показывает опыт российских и испанских гражданских войн, образованность и воспитанность, постоянная рефлексия по поводу совершаемых злодеяний не в состоянии противостоять необходимости применения жестокости по отношению к политическим противникам. Однако та же образованность, принадлежность к высшему обществу, где жестокость никогда не была в почете, вынуждала генералов и офицеров предпринимать серьезные усилия, чтобы показать свою личную непричастность к террору. В этом преуспели как российские, так и испанские военачальники, пытаясь задним числом показать свою неосведомленность о злодеяниях, творимых их подчиненными, а также преувеличивая масштабы «красного террора».

Библиографический список

1. Литвин, А. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. [Электронный ресурс] / А. Литвин. 2004. – Режим доступа: URL: <http://romanbook.ru/book/7111696/?page=1>
2. Новиков, М. В. СССР и «холокост» в Испании [Текст] / М. В. Новиков // Российская история. – 2015. – № 2. – С. 207–214.
3. Preston Paul. The Spanish Holocaust. – N.Y.–L.: W. W. Norton and Company, 2012. – 700 p.
4. Снесарев, А. Е. Философия войны [Текст] / А. Е. Снесарев // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 3. – С. 53–60.

Bibliograficheskij spisok

1. Litvin, A. Krasnyj i belyj terror v Rossii 1918–1922 gg. [Elektronnyj resurs] / A. Litvin. 2004. – Rezhim dostupa: URL: <http://romanbook.ru/book/7111696/?page=1>
2. Novikov, M. V. SSSR i «holokost» v Ispanii [Tekst] / M. V. Novikov // Rossijskaja istorija. – 2015. – № 2. – S. 207–214.
3. Preston Paul. The Spanish Holocaust. – N.Y.–L.: W.W. Norton and Company, 2012. – 700 p.
4. Snesarev, A. E. Filosofija vojny [Tekst] / A. E. Snesarev // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 2002. – № 3. – S. 53–60.